

УДК 821.161.1-3(Глинка Ф. Н.)
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)5-8,44

ГСНТИ 17.07.29; 16.21.33

Код ВАК 10.01.01; 10.02.01

Т. А. Ложкова Т. A. Lozhkova

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

«ПИСЬМА РУССКОГО ОФИЦЕРА»

Ф. Н. ГЛИНКИ В КОНТЕКСТЕ

ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЫ

НАЧАЛА XIX ВЕКА

Аннотация. Проанализированы особенности организации повествования в «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки. Делается вывод о художественном значении ассоциативного фона, возникающего благодаря вписанности произведения в ораторский дискурс начала XIX века. Показывается, что Ф. Н. Глинка синтезировал различные жанры — письма, путевые заметки, дневник, воспоминания и жанры ораторской прозы. Обращение к последним связано с историческим фоном — эпохой Наполеоновских войн. Автор использует такие приемы, как принцип контраста, этическое противопоставление врагов и русских, ассоциации с известными образцами ораторской прозы. Выстраивается художественный образ мира, в центре которого — противопоставление войны, разрушающей привычный порядок, и людей, понимающих истинные ценности, стремящихся к гармонии.

Ключевые слова: Ф. Н. Глинка; «Письма русского офицера»; ораторский дискурс.

Сведения об авторе: Ложкова Татьяна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 277.
e-mail: lozhkova@eka-net.ru.

“LETTERS OF A RUSSIAN OFFICER”

BY F. N. GLINKA WITHIN THE CONTEXT

OF THE EARLY XIX CENTURY

ORATORICAL PROSE

Abstract. After analyzing the characteristics of the narrative organization in “Letters of a Russian Officer” by F. N. Glinka, the author comes to the conclusion about the artistic value of associative background arising due to the inclusion of this text in the oratorical discourse of the XIX century’s beginning. It is shown that F.N. Glinka combined several genres – letter, travel notes, diary, memoirs and genres of oratorical prose. The reference to the latter is connected with the historical background – the epoch of Napoleon wars. The author uses such means as contrast, ethic contrast of enemies and the Russians, associations with the famous images of oratorical prose. The artistic image of the world is created, the centre of which is the opposition of war destroying the usual way of life and people who understand real values, seeking harmony.

Key words: F. N. Glinka; “Letters of a Russian Officer”; oratorical discourse.

About the author: Lozhkova Tatyana Anatolyevna, Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department of the Ural State Pedagogical University.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

В «Письмах русского офицера» Ф. Н. Глинки впервые проявилась одна из важнейших для русской литературы тенденций, которую позже будет принято обозначать термином «военная проза». Основу произведения составили дневники и путевые заметки, в которых отражены впечатления автора — участника военных кампаний 1805—1806 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813—1814 гг. Ф. Глинка начал публиковать свои заметки в 1808 г., однако по окончании Отечественной войны основательно их переработал и издал в 1815—1816 гг. в восьми частях уже фактически как новое произведение. Все последующие публикации представляют собой, как правило, сокращенный вариант издания 1815—1816 гг. Длительность работы над текстом «Писем» — знак особой сложности замысла, потребовавшей от автора поиска соответствующей художественной формы. В итоге получилось произведение,

не поддающееся однозначному жанровому определению. Так, явно выраженное автобиографическое начало служит Е. Е. Приказчиковой основанием для определения «Писем...» как мемуаров в эпистолярной форме «ретроспективно обработанного дневника» [Приказчикова 2006: 209]. Между тем, по мнению Г. А. Галина, повествование в «Письмах...» не обладает необходимой для мемуаров степенью дистанцированности от предмета повествования: «Написанные буквально по следам событий, очевидцем которых довелось быть автору, они в какой-то мере являются для нас еще более достоверным источником, более близким к событиям войн с Наполеоном, чем созданные несколько позже произведения мемуарного характера» [Галин 1990: 8].

Общим местом в литературоведении стало включение «Писем русского офицера» в прочно утвердившуюся в русской и мировой литературе жанровую традицию путе-

шествия: название произведения явно отсылает читателя к «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина. Однако, как справедливо указывает В. Г. Базанов, использование традиции не всегда означает слепое следование за ней [Базанов 1953: 80]. Сам автор в одном из начальных писем предостерегает от чересчур прямолинейных сближений: напомнив о шуточной классификации путешественников, которую дает Стерн в своем знаменитом «Сентиментальном путешествии», он заявляет, что не относит себя «ни к одному из сих отделений, ибо путешествовал по обязанности, а не от праздного или пустого любопытства» [Глинка 1990: 23]. Внимательный анализ дает исследователям основания для выводов о том, что писатель заметно модифицирует традиционную жанровую форму. Так, В. Г. Базанов, тщательно проанализировав идейно-содержательный уровень «Писем...», считает возможным говорить о новаторском подходе Ф. Н. Глинки к жанровому канону [Базанов 1953: 78—101]. К аналогичным выводам приходит и Г. А. Галин: «Уже сама тематика — отражение больших всемирно-исторических событий, важнейшим из которых была освободительная Отечественная война 1812 года, описание военных будней и кровопролитных боев — сильно раздвинула каноны и рамки этого жанра» [Галин 1990: 10].

Мы полагаем, что отмеченное В. Г. Базановым и Г. А. Галиным расширение тематики, усложнение мотивной структуры является не единственным способом модифицирования традиционной жанровой формы. Важное значение имеет и стремление писателя к синтезированию различных жанровых традиций в рамках единого сложного художественного целого. В частности, по мнению Н. Д. Кочетковой, помимо названных выше форм дневника, письма, воспоминаний мемуарного характера, Ф. Глинка широко опирается и на возможности жанров ораторской прозы. Исследовательница замечает, что повествование в «Письмах...» отличается «особой приподнятостью тона, пафосом, характерным более для публичной речи, чем для дружеского письма или дневниковой записи» [Кочеткова 1975: 109].

Русская ораторская проза имеет прочные и глубокие традиции, восходящие еще к античной и древнерусской литературе. Особое значение она обретает в XVIII в. Е. М. Матвеев убедительно показывает, что вплоть до 60-х гг. XVIII в. она фактически была единственным развивающимся в русской литературе видом прозы [Матвеев 2007]. Доминирующей жанровой формой в этот период был панегирик (похвальное слово), как светский, так и церковный. Осо-

бенно активно ораторская проза функционировала в период царствования Елизаветы Петровны [Афанасьев 2003: 623].

Новый всплеск русского красноречия отмечается в начале XIX в. — в период Наполеоновских войн. Подробную характеристику ораторской культуры первой трети XIX в. мы находим в монографии Н. И. Михайловой. Исследовательница обращает внимание на особую авторитетность ораторского слова в данный период: «В пушкинское время ораторское слово звучало на поле брани и в учебной аудитории, на площади и во дворце, в церкви и гостиной. Ораторское слово поднимало на бой и вдохновляло на борьбу. Оно радовало в торжествах и утешало в бедствиях. Оно учило, проповедовало, забавляло. Войны и революции, государственная и частная жизнь, религия и культура — в пушкинское время все было связано с ораторским словом, воплощалось в ораторском слове» [Михайлова 1990: 17]. Особенно востребована ораторская проза была в условиях Отечественной войны 1812 г. Н. М. Михайлова обращает внимание на характерное для этого периода обращение к приемам ораторской речи даже в текстах, казалось бы, чисто служебных, профессиональных. В корпус ораторских текстов вошли не только такие привычные формы, как манифест, воззвание, торжественная речь, надгробное слово или церковная проповедь, но и приказ по армии, военная реляция, высочайший указ. Авторами ораторских текстов были император Александр I, военачальники (М. И. Кутузов, М. Б. Барклай де Толли, П. И. Багратион), писатели и ученые (А. С. Кайсаров, В. А. Жуковский, А. С. Шишков), деятели церкви (епископ Августин, митрополит Амвросий, архиепископ Филарет) [Михайлова 1990: 17—19]. Вот, например, отрывок из рескрипта Александра I М. И. Кутузову «О запрещении использовать в настоящий момент резервные войска» от 24 августа 1812 г.: «...Мнение же ваше, полагающее донесение о состоянии неприятельских сил в 165 000 увеличенным, оставляет меня в приятной уверенности, что вышеозначенное число усердных русских воинов под предводительством опытного и прозорливого полководца поставит преграду дальнейшему вторжению наглого врага и, увенчав вас бессмертною славою, передаст имя ваше потомству как избавителя Москвы, а вверенное вам воинство украсится вечными лаврами» [М. И. Кутузов. Сборник документов 1954: 138—139]. Высокий торжественный стиль превращает рескрипт в образец ораторского слова.

Н. И. Михайлова, опираясь на тщательный анализ большого числа конкретных тек-

стов, убедительно доказывает, что, несмотря на жанровое и стилевое разнообразие, ораторскую прозу 1812 г. можно рассматривать как единый текст, отличающийся специфическими особенностями: «Единым текстом делает ораторскую прозу 1812 года общая цель, которую преследовали ее создатели — пробудить чувства патриотизма и ненависти к врагу, объединить все силы нации и поднять их на борьбу с неприятелем. Именно эта цель определяет образную систему, типологические особенности поэтики всех ораторских жанров» [Михайлова 1990: 42]. К этим особенностям исследовательница относит следующие:

- антитетичность образной системы, группирующейся вокруг двух полюсов: России, родной земли, которую следует защищать, и врага, который подлежит уничтожению, вследствие чего контраст становится не просто стиливым приемом, но ведущим поэтическим принципом, определяющим основные параметры художественного образа мира;

- четкое противопоставление двух рядов ценностных категорий, закрепленных в конкретных семантических и лексических комплексах: святая вера, честь, слава россиян и безверие, бесчестие, бесславие галлов; борющиеся за свободу России и Европы русские и поработители-французы; освободитель Александр I и тиран Наполеон; победа России и поражение Франции;

- активное использование риторических конструкций (обращения, восклицания, вопрошания) как способа выражения внутренней экспрессии высказывания.

Таким образом, мы, очевидно, можем говорить о процессе формирования вполне определенной, социально обусловленной организации речевой системы, призванной репрезентировать реальность, сложившуюся в конкретный исторический момент. Согласно наблюдениям Н. И. Михайловой, она обладает внутренней целостностью, жанровой и стиливой оформленностью и вписанностью в конкретный социокультурный контекст, т. е. всеми признаками дискурса — текста, являющегося определенным образом мира.

В поле данного дискурса притягиваются и литературные произведения, причем на какой-то момент становится возможным стиливое сближение текстов, принадлежащих авторам, придерживающимся самых различных, порой прямо противоположных политических позиций. На это обстоятельство обратил в свое время внимание Г. А. Гуковский. Анализируя вышедший в 1814 г. двухтомник «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», исследователь пытается несколько ослабить впе-

чатление отмеченного нами стиливого единства, утверждая, что «реакционеры» и «вольномудцы» вкладывали в общие стиливые формулы разный смысл: «Слова „отечество“, „отчизна“ вызывали биение сердца именно больше всего у свободолюбцев. Реакционное правительство вовсе не стремилось к превращению войны с французами в народную войну. Мощный призыв народа к оружию и к мести насильникам — это был лозунг именно народной войны, лозунг вооружения народа. Так пошло и далее. Официальная литература если и призывала громы войны, то в плане уничтожения французов, как народа бунтарей и нечестивцев, — а более всего проповедовала тишину и спокойствие, надеясь на социальное успокоение. Наоборот, радикальная поэзия проповедовала упоение боев, славу оружия, мужество войны, пробуждая тем самым священную тревогу в сердцах граждан и воспитывая в них воинов свободы» [Гуковский 1965: 205]. Очевидно, у Г. А. Гуковского есть все основания для подобных утверждений, однако вряд ли можно отрицать, что обращение и «консерваторов», и «властей», и «церковников», и будущих «революционеров» к единым стиливым приемам, использование единых словесных формул, риторических фигур создавало сильное ощущение единства переживаний во всех слоях русского общества, осознавшего себя национальным целым. В ораторском дискурсе выражал себя тот дух исторической эпохи, который так мощно прочувствует А. С. Пушкин [Михайлова 1986: 278—288; Юхнова 2011: 4].

Организация повествования в «Письмах русского офицера», на наш взгляд, позволяет говорить о явной вписанности произведения в данный дискурс. Чтобы увидеть это, достаточно простого сопоставления текста произведения с ораторскими высказываниями самого разного типа. Покажем это на конкретных примерах.

Ф. Глинка активно использует характерные риторические приемы. Вот фрагмент из «Воззвания Александра I к жителям Москвы с призывом организовать ополчение» от 6 июля 1812 г.: «Итак, да распространится в сердцах знаменитого дворянства нашего и во всех прочих сословиях дух той праведной брани, какую благословляет бог и православная наша церковь, да составит и ныне сие общее рвение и усердие новые силы, и да умножатся оные, начиная с Москвы, во всей обширной России» [Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года 1962: 46].

Приведем и фрагмент из Манифеста Александра I, адресованного «всем верноподданным», с призывом о создании опол-

чения от 6 июля 1812 г.: «Мы уже воззвали к первопрестольному граду нашему Москве, а ныне взываем ко всем нашим верноподанным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единокровным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем отечества. Святейший синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ русской! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют» [Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года 1962: 15].

А вот текст «Писем русского офицера»:

17 июля. Смоленск

Мой друг! настают времена Минина и Пожарского! Везде гремит оружие, везде движутся люди! Дух народный, после двухсотлетнего сна, пробуждается, чуя угрозу военную [Глинка 1990: 56];

Августа 8. Село Цуриково

Пусть разрушаются грады, пылают села, истребляются дома, исчезает спокойствие мирных дней, но пусть эта жертва крови и слез, эти стоны народа, текущие в облако вместе с курением пожаров, умилостивят, наконец, разгневаные небеса! Пусть пострадают области, но спасется Отечество! Вот общий голос душ, вот искренняя молитва всех русских сердец! [Там же: 61].

Выстраивая художественный образ мира в своем произведении, Ф. Глинка широко использует принцип контраста:

18 июля, 1812. Село Сутоки

Наконец поля наши, покрытые обильнейшей жатвой, должны будут вскоре сдаться полями сражений [Там же: 57];

Мая 10, 1812. Село Сутоки

*Наполеон, разгромив большую часть Европы, стоит, как туча, и хмурится над Неманом. Он подобен бурной реке, надменной тысячью поглощенных источников; грудь русская есть плотина, удерживающая стремление, — прорвется — и наводнение будет неслыханно! — О, друг мой! Ужели бедствия **нашествий** повторятся в дни наши?.. Ужели покорение? Нет! Рус-*

ские не выдадут земли своей! Если недостанет воинов, то всяк из нас будет одной рукой водить соху, а другой сражаться за Отечество! [Там же: 55].

Особенно заметно у Ф. Глинки отмечавшееся Н. И. Михайловой стремление этически противопоставить врагов и русских, представить Наполеона собранием всех мыслимых нравственных пороков: он характеризовался в ту эпоху как «властолюбивый, ненасытный, не хранящий клятв, неуважающий алтарей враг», «бесчеловечнейший из врагов», «дерзкий и лютый», «гордый и злобный», «бич рода человеческого». Портрет врага, написанный плакатно одной лишь черной краской, вызывал негодование и ненависть, желание сразиться с неприятелем и победить [Михайлова 1999: 46—47].

Аналогичные плакатные портреты находим у Ф. Глинки:

Августа 8. Село Цуриково

*Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью. **Злодеи** тотчас исполнили приказ **изверга*** [Глинка 1990: 60].

В произведении Ф. Глинки есть прямые ассоциации с конкретными и общеизвестными ораторскими текстами. Так, например, описание оставляемого русскими Смоленска выдержано в стиле аналогичного описания московских бедствий в процитированном Н. И. Михайловой «Слове в Высочайшего Тезоименитства Его Императорского Величества Государя Императора и Самодержца Всероссийского Александра I и по освящении Московского большого Успенского собора, говоренного Преосвященным Августином, Епископом Дмитровским, Викарием Московским, и Ордену Св. Александра Невского и Св. Анны I класса Кавалером, в означенном Успенском соборе 1813 года, августа 30 дня»:

Что я вижу? — Первопрестольная, древняя Столица Российской державы в пламени! Огромные и величественные здания, жилища исполинов колеблются, разрушаются, превращаются в пепел. Стогны, вместо ликов празднующих, наполнены стенаниями и воплями. Несчастные обитатели, одетые прежде серебром и золотом, облечены в ретищем и ужем препоясаны [Михайлова 1999: 51].

Ф. Глинка едва ли не буквально повторяет церковного оратора в своем описании горящего Смоленска:

Августа 8. Село Цуриково

Тучи бомб, гранат и чиненных ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и башни обнялись пламенем — и все, что может гореть, — запылало!.. Опламененные окрестности, густой разно-

цветный дым, багровые зори, треск лопающихся бомб, гром пушек, кипящая ружейная пальба, стук барабанов, вопль старцев, стоны жен и детей, целый народ, падающий на колени с воздетыми к небу руками: вот что представлялось нашим глазам, что поражало слух и что раздирало сердце!.. Толпы жителей бежали из огня, полки русские шли в огонь; одни спасали жизнь, другие несли ее на жертву. Длинный ряд подвод тянулся с ранеными... [Глинка 1990: 60].

Такие сопоставления могут быть продолжены. Однако нас занимает не простой поиск стилевых параллелей, а несколько другой вопрос. Ф. Глинка выстраивает в своем произведении ассоциативный ряд, позволяющий читателю воспринимать его произведение в контексте вполне конкретного дискурса. Каков художественный смысл данного приема?

Думается, что многое становится понятным, если обратить внимание на специфику художественного образа мира, выстроенного Ф. Глинкой. Первое, что бросается в глаза — его катастрофичность: война разрушает все причинно-следственные связи, весь естественный порядок вещей: *Наконец поля наши, покрытые обильнейшей жатвой, должны будут вскоре сделаться полями сражений* [Глинка 1990: 57]; *Войска перешли Колочу, впадавшую, здесь же, в селе Богородице, в Москву-реку, и установились на протяженной холмов, омываемых слиянием этих двух рек. Стало войско — и не стало ни жатв, ни деревень: первые притоптаны, другие снесены. „Война идет и метет!“ Так говорится издавна в народе. Может ли быть бедствие лютеее войны?..* [Глинка 1990: 69]. Ощущение катастрофичности усиливается за счет особой организации хронотопа. Пространство в «Письмах...» дискретно, оно буквально деформируется, разламывается на куски. Данный эффект достигается благодаря подневному принципу записей, между которыми нет прямых смысловых связей: каждая запись представляет собой внутренне завершенную микроновеллу, ограниченную топографически и хронологически, со своей микрофабулой, своим составом действующих лиц. Война нарушает нормальное течение времени, оно словно бешеное несется вперед, события развиваются молниеносно, автор просто не успевает о них написать: переправа французов через Неман 24 июня, отступление русской армии — все это остается за рамками повествования. Одной лаконичной фразой Ф. Глинка передает стремительный характер вторжения — армия Наполеона, словно лавина, растекается по русской земле: *Получили известие,*

что неприятель уже близ Орши [Глинка 1990: 56]. Быстрота перемещения армии обнаруживается в маркировках писем: *17 июля. Смоленск; 18 июля 1812. Село Сутоки.* События становятся непредсказуемыми: *...все корпуса, армию нашу составляющие, проходя различными путями к одной цели, соединились в чрезвычайно укрепленном лагере при Дриссе и ожидали неприятеля. Полагали, что он непременно пойдет на то место, чтоб купить себе вход в древние пределы России ценой сражения с нашими войсками; ибо как отважиться завоевывать государство, не разбив его войск? Но дерзкий Наполеон, надеясь на неисчислимое воинство свое, ломится прямо в грудь Отечества нашего* [Там же: 56]; *Неприятель, сосредоточив где-то великие силы, ворвался вчера в Красное; и между тем как наши смотрели на Рудню, он полетел к Смоленску, чтоб овладеть им внезапно. Дивизия Неверовского принесла сегодня французов на плечах; а храбрый генерал Раевский встретил их с горстью войск и не впустил в город* [Там же: 59—60].

Ощущение кошмара усиливается лейтмотивами. Всё пространство, доступное взору героя, постоянно окрашено в темные и багровые тона: *Между тем черно-багровое облако дыма засело над городом, и ночь присоединила темноту к мраку и ужас к ужасу* [Там же: 61]; *Каждая ночь освещается заревами пожарищ. Полнеба рдеет, как раскаленное железо* [Там же: 62]. Нашествие вражеской армии постоянно сравнивается с огромной грозовой тучей, стремительно закрывающей солнце — мир быстро погружается в сумрак, разрываемый вспышками губительного огня: *Неприятель, совокупляя силы свои, каждый день с большею дерзостью надвигает. Силы его несметны!.. Они ширятся вправо и влево и темнеют, как дремучие леса, или ходят, как тучи, из которых, по временам, стреляет гром!..* [Там же: 69]; *Неприятель, как туча, засинел, сгустившись, против левого нашего крыла и с быстротой молнии ударил на него, желая все сбить и уничтожить* [Там же: 70].

Герой с ужасом видит, как стремительно уменьшается пространство свободной русской земли: *Странствую по сгорающей земле, под небом, не внемлющим жалобам смертных. Всякий день вижу уменьшение отечества нашего и расширение власти врагов. Каждая ночь освещается заревами пожарищ* [Там же: 62].

Война разрушает границы между обычной реальностью и иными, потусторонними сферами бытия: *Мне кажется, я переселился совсем в другой свет! Куда ни*

взглянешь, все пылает и курится. Мы живем под тучами дыма и в области огней. Смерть все ходит между и около нас! Она так и трется промеж рядов. Нет человека, который бы не видел ее каждый день, и каждый день целые тысячи достаются ей на жертву! Здесь люди исчезают как тени. Сегодня на земле, а завтра под землей!.. Сегодня смеемся с другом; завтра плачем над его могилой!.. Тут целыми обществами переходят из этого на тот свет так легко, как будто из дома в дом! [Там же: 67—68]. Кажется, что еще немного, и мир распадется, рухнет, не выдержит чудовищного напряжения.

Но бешено несущееся время вдруг начинает замедлять свой ход. Если в начале письма датировались с заметными длительными промежутками во времени, то начиная с 15 августа они пишутся сначала ежедневно, а затем и по несколько писем за один день: *24 августа; 24 августа. Поздно ввечеру; 25. Утро; 25. Сумерки; С 25 на 26. Глубокая ночь.* Время, словно гигантская пружина, поначалу стремительно сжимавшаяся, теперь движется вперед со всё возрастающим усилием. Нет в этих письмах и пометы, касающейся местонахождения автора: все они написаны в одном селе. Быстро перемещавшаяся русская армия остановилась, огромные пространства охваченной огнем и опустевшей русской земли теперь стянулись в одну точку под названием Бородино.

Критический характер момента, хронологически связанного с несколькими августовскими днями, обнаруживается и в том, что молниеносно захватывавший русскую землю враг вдруг словно потерял направление движения и заколебался, а где-то вдали вдруг начало проясняться небо, так давно закрытое черными тучами: *Многочисленное неприятельское войско колеблется: кажется, в нерешимости. Вот пошатнулось было влево и вдруг повалило направо. Огромные полчища двинутся на левое наше крыло. Русские спокойно смотрят на все с укрепляемых своих высот. Пыль, взвившаяся до небес, уседается. Даль яснее. Неприятель к чему-то готовится. Посмотрим к чему...* [Там же: 70]. Маленькое русское село вдруг разрастается в масштабах, опорными координатами становятся «мост», «средина», «левое крыло», «дорога», «главная батарея» — именно здесь, в этих узловых точках решается судьба мира, критическую ценность получает самый крошечный клочок пространства: *...мужество наших войск было неопишано. Они, казалось, дорожили каждым вершком земли и бились до смерти за каждый шаг. Многие батареи до*

десяти раз переходили из рук в руки. Сражение горело в глубокой долине и в разных местах, с огнем и громом, на высоты всходило. Густой дым заступил место тумана. Седые облака клубились над левым нашим крылом и заслоняли середину, между тем как на правом сияло полное солнце. И самое светило мало видало таких браней на земле с тех пор, как освещает ее [Там же: 72—73]. В полную силу сияющее на правом фланге русской армии солнце — символ надежды, согревающей душу автора. Бородинское сражение оказывается не только кульминационной точкой Отечественной войны, но и той критической точкой, пройдя через которую, сюжет разворачивается по принципу зеркального отражения начальных эпизодов: время движется со скоростью отпущенной и стремительно распрямляющейся пружины, снова письма пишутся с перерывами в несколько дней, снова автор не успевает за событиями и сообщает о них весьма кратко *post factum*, мир снова пришел в движение, молниеносно расширяется русская земля, освобожденная от захватчика, и опорными точками пространства становятся уже не «мост» или «дорога», но Тарутино, Вязьма, Дорогобуж, Березина, Борисов, Вильна, Гродно. Ненастье и последовавшие за ним морозы теперь становятся угрозой для врага. Ясное небо сияет над головами русских воинов: *Теперь можем мы вздохнуть спокойно!.. Меч, висевший над головами нашими, исчез. Тучи, ходившие по русскому небу, быстро несутся назад. Мы видим над собой ясную лазурь безмятежного свода, отколе всевышний благословляет оружие правых на славном поприще его побед* [Там же: 99].

На освобожденных территориях начинает восстанавливаться нормальный порядок вещей, жизнь возвращается в мирное русло. Почему это стало возможно? Нам думается, что ответ заключен в самой сюжетно-композиционной структуре произведения. Она жестко полярна: образу врага, олицетворяющему собой войну, несущую всему живому разрушение и гибель, противопоставлен образ России и русских. Включив свое произведение в современный ораторский дискурс, Ф. Глинка выстроил мощный ассоциативный фон, вызывающий в сознании читателя другое, близкое и понятное ему представление о реальности, обладающее нерушимой целостностью, помогающее сохранить душевные и духовные силы в самых трагических обстоятельствах. Именно это представление и помогает русскому народу выстоять в жестокой битве, восстановить разрушенные войной мировые скрепы и опоры. Ф. Глинка выстраивает сложный ху-

дожественный образ мира, суть которого — в бескомпромиссной борьбе между войной как воплощением всего разрушительного, противоестественного, и миром людей, сила духа которых зиждется на глубоком понимании истинных ценностей — основ бытийной целостности и гармонии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Глинка Ф.* Письма русского офицера. — М.: Правда, 1990.

2. *Афанасьев Э. Л.* Церковная проповедь елизаветинского времени о Западе и России // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726—1762). — М., 2003. Вып. 2.

3. *Базанов В. Г.* Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. — М.: ГИХЛ, 1953.

4. *Галин Г. А.* «Письма русского офицера» и их автор Федор Николаевич Глинка // Письма русского офицера / Ф. Н. Глинка. — М.: Правда, 1990. С. 5—20.

5. *Луковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. — М.: Худож. лит., 1965.

6. *Кочеткова Н. Д.* Ораторская проза декабристов и традиции русской литературы XVIII века // Лите-

ратурное наследие декабристов. — Л.: Наука, 1975. С. 100—120.

7. *М. И. Кутузов.* Сборник документов. В 5 т. Т. 4, ч. 1. — М.: Воениздат, 1954.

8. *Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII века: панегирик в светской и духовной литературе: дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2007.

9. *Михайлова Н. И.* Творчество Пушкина и ораторская проза 1812 г // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). — Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 278—288.

10. *Михайлова Н. И.* «Витийства грозный дар...». А. С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. — М.: Русский путь, 1999.

11. *Народное ополчение* в Отечественной войне 1812 года: сб. документов. — М.: АН СССР, 1962.

12. *Приказчикова Е. Е.* Русская мемуаристика XVIII — первой трети XIX века: имена и пути развития. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.

13. *Юхнова И. С.* Поэтика диалога и проблемы общения в прозе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Н. Новгород, 2011.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская.